

18+

АЛЕКСЕЙ
ГУМИЛЁВ

ПРОЩАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ
ДЕЛЬФИНА

Алексей Гумилёв

Прощальный танец дельфина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48566635

ISBN 9785005075659

Аннотация

В храм мотыльков, в психиатрическую лечебницу маленького австрийского городка приезжает высокая красивая женщина, молодой доктор и талантливый специалист. Она не хотела возвращаться, но есть просьбы, которые мы не можем игнорировать. Особенно если это просьба о помощи.

Содержание

Авторское предисловие	5
Глава 1 Психиатр	6
Интерлюдия 1 Адриан	25
Глава 2 Копиист	28
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Прощальный танец дельфина

Алексей Гумилёв

© Алексей Гумилёв, 2019

ISBN 978-5-0050-7565-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторское предисловие

Эта книга относится к циклу Вячеслава Праха про психиатрическую лечебницу в городе М, что в австрийской глубинке. Перво-наперво, благодарю Вячеслава за разрешение написать эту книгу, он добр и великодушен. Во-вторых, на данный момент в этом цикле у Вячеслава вышли следующие книги: «Храм мотыльков», «Песня мёртвых птиц», «Он умел касаться женщин». У Вячеслава будут ещё книги в этом цикле, у меня – не знаю. Эта книга сюжетно предшествует «Песне мёртвых птиц», но с её сюжетом не пересекается, так что вы можете читать эту книгу, не читая основных книг цикла. Точно также вы можете совершенно безболезненно не читать её вовсе. Как пожелаете. Внутри вас ждёт встреча с некоторыми героями Вячеслава Праха, и, смею надеяться, интересная история.

Приятного чтения, любимый читатель.

Искренне твой, Алексей Гумилёв.

Глава 1 Психиатр

* * *

В тёмной прохладной комнате сидят двое – мужчина в удобном кресле за столом и молодая женщина на стуле перед ним. Единственное окно закрыто шторами, надёжно преграждающими путь солнцу и летней жаре. Мужчина чувствует себя комфортно, ему интересна эта женщина, так что он может уделить ей несколько минут. Но только несколько, а затем снова вернуться к песне мёртвых птиц. Женщина внешне спокойна, но внутри её бушуют разные эмоции. Она и нервничает, и злится, и готова умолять, если ей откажут. В темноте они видят лишь силуэты друг друга, что немногим лучше разговора по телефону.

– Так как, говорите, вас зовут? – спрашивает мужчина и затягивается сигарой. Огненный глаз шипит и пристально смотрит на женщину.

– Долфин. Лилиан Долфин.

– Что ж, миссис Долфин...

– Мисс, – женщина обрывает собеседника. – Но я предпочитаю, чтобы вы называли меня «доктор». И никак иначе, господин директор.

Сигара снова шипит, на этот раз удовлетворительно. Директор крутит в руках папку, но не открывает её. В комнате слишком темно, чтобы читать.

– Хорошо, доктор Долфин. Главврач, доктор Стенли, сказал, что у вас отличные рекомендации. Вена, Женева... Вы также соавтор одной книги по психотерапии. Ваша фамилия на обложке заняла достойное второе место следом за фамилией доктора Ольконена, всё-таки он светило науки. Признайтесь, насколько большой вклад вы внесли в эту работу?

Лириан промолчала. Директор затянулся сигарой, потом ещё раз. Огненный глаз несколько раз подмигнул Лириан, она закашляла и отогнала густой дым рукой.

– Не курите? – полюбопытствовал директор.

– Бросила.

– Что мне по-настоящему интересно, доктор Долфин, так это что нужно золотой девочке с такими рекомендациями в нашем богом забытом городке? Будете по выходным отпрашиваться за город? Так есть места красивее окрестностей города М. Или потянуло на тишину, прочь от суеты больших городов? В вашем-то возрасте? Сколько вам? Неприличный вопрос. Подождите, не говорите, доктор Стенли упоминал. Двадцать девять, верно?

– Верно. Я здесь по семейным обстоятельствам. Мой брат со дня на день должен прибыть к вам в лечебницу, и я хотела бы стать его лечащим врачом.

– А если он откажется?

– Он не откажется. Он попросил меня об этой услуге в личном письме. Поэтому я здесь, в городе своего детства, в вашем кабинете.

– История-то оказалась весьма прозаичной... – директор затушил остаток сигары в пепельнице и теперь в тёмной комнате остаточный дым медленно расплзлся в стороны, истончаясь и исчезая. – Хорошо. Можете приступать к работе. Ступайте.

Лилиан выдохнула как после нырка в ледяную воду и потянулась встать, но директор резко остановил её:

– Стойте! Какой у вас рост?

– К сожалению, девушек в обществе можно спрашивать о таком, – Лилиан недовольно сжала губы, чего директор никак не смог бы увидеть. – Метр восемьдесят семь. Если взять монеты в два евро номинала, а это наиболее встречающиеся монеты в Европе, и складывать их стопкой, то получится ровно восемьсот пятьдесят монет. Таким образом, мой рост соответствует тысяче семистам евро.

– У вас обсессивно-компульсивное расстройство, доктор Долфин?

– Ни ОКР, ни какого другого заболевания у меня не диагностировано. – Сказано это было чересчур резко, и Лилиан добавила мягче: – Их попросту нет.

– Вы стоите на грани.

– Возможно, именно благодаря этому я такой хороший психиатр. А в будущем, смею надеяться, я стану лучшей в Европе.

– И тогда наша клиника приобретёт некоторую известность, из-за вашей работы здесь. Так что прошу вас, не надо,

не становитесь лучшей. Здесь и сейчас-то тишины недостаточно.

– Не понимаю вас, директор.

– А я вас, доктор Долфин. Ступайте. Доктор Стенли познакомит вас с клиникой и определит вам несколько пациентов. Когда, и если, ваш брат попадёт к нам, я распоряжусь, чтобы вас назначили его лечащим врачом.

– Спасибо, – Лилиан встала и вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Директор откинулся в кресле и принялся взглядывать в свой сад камней. И подобно тому, как в саду камней никогда нельзя увидеть все камни разом, так и он не мог разом увидеть все тени. За одной тенью обязательно пряталось ещё несколько.

* * *

Доктор Лилиан Долфин вошла в одну из угловых палат второго этажа. Света в два окна заливало изрядно, вместе со зноем летнего дня. На единственной кушетке сидел высокий мужчина, смурной и серый, с грубым как сучковатое полено лицом и короткими сальными волосами.

Лилиан осмотрела палату, пододвинула единственный табурет и села напротив пациента. Мужчина подтянул ноги к груди. Лилиан раскрыла папку с историей болезни.

– Дарко Ковалевич?

– Ковачич, – у этого неумытого мужлана оказался на удив-

ление высокий голос.

– Да, простите. Мистер Ковачич, позвольте представить-ся. Я доктор Долфин, ваш новый лечащий врач. Предыдущее лечение не отличалось эффективностью. Я вижу у вас выписано несколько препаратов, приём два раза в день. В первую очередь, мне хочется полностью их отменить. Что скажете?

– Спасибо. Не люблю колёса, – пациент опустил ноги на пол и немного расслабился, но хмуриться не перестал.

– Хорошо, тогда отменяем. Дальше. Вы у нас уже месяц. Не переживайте, это не много. Напротив, есть пациенты, которые живут в клинике годами. Но лично я считаю, что вам пора выздоравливать.

Лилиан подняла взгляд с документов на Дарко Ковачича, ожидая реакции. Мужчина молчал и не шевелился. Лилиан выругалась про себя.

– Мистер Ковачич, – продолжила Лилиан, – вас неправильно лечили. Скажу больше, не думаю, что вас вообще нужно лечить. Скорее вашего лечащего врача, этого... – Лилиан нырнула взглядом в историю болезни, – доктора Расходникова нужно лечить. Но это не важно. Сейчас я хочу, чтобы вы поняли то, что и так знали. Вы абсолютно здоровы. А теперь, мистер Ковачич, расскажите, что в вашем психическом здоровье так беспокоило врачей, что вы угодили сюда?

Мужчина окончательно расслабился и прямым честным взглядом посмотрел на Лилиан.

– Я – жираф, – просто произнёс пациент.

– Что вы едите?

– Листья, иногда овощи.

Лилиан достала из нагрудного кармана карандаш и сделала вид, будто что-то отмечает в истории болезни. На самом деле она не касалась бумаги, но пациент этого не видел и снова насупился. Лилиан сделала ещё два фальшивых росчерка и продолжила опрос:

– Почему вы уверены в том, что вы жираф?

– На всём моём теле присутствуют невидимые пятна. А эти пальцы, – мистер Ковачич демонстративно поднял руки и покрутил в воздухе растопыренными пальцами, – на самом деле это деформированные копыта и управляться ими не так уж легко. Хвоста нет, видимо родители купировали его во младенчестве. А небольшие рожки можно нащупать. Вот.

Лилиан доверительно улыбнулась, но сразу за этим нахмурилась, копируя выражение лица Дарко Ковачича.

– Вы очень умный человек, мистер Ковачич. Поверьте, такие вещи я понимаю сразу. Мне хочется рассказать вам всё прямо сейчас, но я не могу. – Лилиан наклонилась к пациенту, и он зеркально наклонился на встречу. Лилиан продолжила шёпотом: – Я приду к вам в палату ровно в полночь, постарайтесь не уснуть. Сейчас, к сожалению, мы не можем говорить откровенно. Вы всё поняли, мистер Ковачич?

– Да, да, я всё понял.

– Прекрасно. – Лилиан улыбнулась и встала. – Не забудьте, в полночь.

Дарко Ковачич кивнул, и тогда доктор Долфин вышла из комнаты.

* * *

Высокий подтянутый мужчина зашёл в здание психиатрической лечебницы города М. Вечер только начинался, и ещё не спала дневная жара, но мужчина всё равно был одет в чёрный дорогой костюм с тёмной рубашкой и плотно завязанным галстуком. На входе его уже ждал доктор Стенли.

– Добрый вечер, доктор, это с вами я говорил по телефону? – мужчина взъерошил волосы, смоль которых лишь подчёркивали седые виски.

– Всё верно, мистер Долфин. Добрый вечер. Пройдёмте, – старый врач провёл гостя в одно из ближайших помещений. – Присаживайтесь. Всё уже подготовлено, вам остаётся только заполнить формуляр.

Посреди комнаты стоял низкий квадратный стол, по трём его сторонам размещались строгие прямоугольные диваны, на столе лежали документы и ручка. Больше мебели не было. На стене рядом с дверью висела пустая вешалка. На другой стене, напротив единственного, зато большого окна, висела картина – прекрасно выполненная репродукция нимф Ханса Зацка. В лодке спит девушка, а лесные нимфы, словно дурачась, наряжают её. Если подойти совсем близко и изучать

картину со всей тщательностью, она вполне может сойти за оригинал. Только настоящий оригинал потускнел от времени и нуждается в реставрации, а в правом нижнем углу этой репродукции, чтобы не было сомнений во вторичности работы и честности художника, стоит подпись – Долфин.

Мистер Долфин позволил себе краткую улыбку, отвернувшись от картины и сел за стол. Доктор Стенли продолжил стоять. Мужчина вопросительно посмотрел на него.

– Заполняйте формуляр, – повторил доктор Стенли. – Я сейчас схожу за санитаром, после оформления документов он проведёт вас в раздевалку, а потом и в отведённую вам палату. А мой рабочий день заканчивается, прошу простить. Если при вас имеется что-нибудь ценное, можете передать мне. Но смею вас уверить, персонал у нас проверенный и в воровстве никто замечен не был.

Мистер Долфин кивнул и подтянул к себе бумаги. Хлопнула дверь. Покрутив ручку в пальцах, мужчина принялся аккуратным печатным почерком заполнять короткий бланк.

Имя: Адриан Долфин

Возраст: 32 года

Адрес: город М, улица Фраческо Петрарки, дом 40, квартира 7

Жалобы: депрессивное состояние, апатия, потеря памяти, паранойя

Перед тем как поставить собственную подпись, Адриан приписал:

Согласен лечиться только у доктора Долфин, другим врачам не доверяю.

Всё. Важно было написать эти слова именно здесь, не ниже, чтобы их нельзя было отрезать. Дата, подпись. Адриан завершил размашистую «Н» и отложил ручку в сторону. Дверь хлопнула. Адриан поднял взгляд и, увидев толстяка рядом со старым врачом, недовольно поморщился.

– Заполнили? – поинтересовался доктор Стенли. – Хорошо. Гарри проводит вас переодеться.

– Кто будет меня лечить?

– Не знаю. На усмотрение директора.

– Вы говорили, что я могу оставить ценные вещи на сохранение лично вам, – напомнил Адриан.

– Да, конечно.

Адриан снял с мизинца левой руки золотой перстень-печатку с изображенным на нём дельфином. Квадратный перстень был тяжёл и по углам сбит. Некоторое время Адриан разглядывал царапины и потёртости на фигуре дельфина, потом встал и передал перстень врачу.

– Я так вам скажу, доктор Стенли, и можете передать мои слова директору: я согласен проходить лечение только у своей сестры. Мы с ней – дельфины, а вот вы совсем другие зве-

ри, я не могу и не хочу с вами общаться хоть сколько-то долго. Сохраните этот перстень. Не дай Бог, вы его потеряете, тогда я убью вас. А лучше передайте перстень моей сестре.

Глаза доктора Стенли за стёклами очков стали непроницаемыми.

– Вы так уверены, что нуждаетесь в лечении?

Адриан не стал отвечать на вопрос и уставился на доктора мёртвым взглядом. Глаза доктора Стенли отмерли и забежали в разные стороны, он принял перстень и убрал в карман халата.

– Я вас предупредил, доктор. А теперь, Гарри, я весь ваш. Где я могу переодеться в пациента? Ведь именно одежда определяет, кто мы в глазах окружающих. Бомж в рванине может сколько угодно цитировать Сократа и всё равно останется бомжом для всех проходящих мимо, неудачником, опустившимся человеком, а с каким там образованием или талантами – не важно. Я весь ваш, ведите.

* * *

– Вы спите, мистер Ковачич? Я же просила дождаться меня!

– А? Что? – Дарко Ковачич открыл глаза и различил в темноте комнаты высокую женскую фигуру, нависшую над ним. – Доктор...

– Долфин, – подсказала Лилиан.

Мистер Ковачич приподнялся и сел на кушетке, Лилиан

присела рядом, касаясь его рукой. Дарко Ковачич сглотнул. Давно он не оказывался в такой близости с красивой девушкой, да ещё и ночью. И без того высокая эта странная женщина ходила на красных пятнадцатисантиметровых шпильках с платформой. Длинные светлые волосы были собраны в хвост, ухоженные ногти без маникюра постукивали по картонной папке, а чувственные полные губы, лишённые помады, застыли в кривой заговорщицкой улыбке. Под белым халатом, а это была единственная деталь из-за которой её можно было назвать врачом, нельзя было различить миниатюрной груди. Дарко Ковачич вдохнул лёгкий аромат её парфюма, и почувствовал запах летних полевых цветов, вереска, можжевельника и миндаля. Это был запах джина; доктор Лилиан Долфин, как дорогой алкоголь, била в голову.

– Да, доктор? – мистер Ковачич поднял свой взгляд, даже сидя Лилиан была выше его.

– Сначала ответьте, вы принимали вечером какие-нибудь лекарства?

– Нет, санитары ничего мне не принесли.

– Хорошо. Очень хорошо. Дело в том, мистер Ковач... Ковачич... Дарко. – Лилиан повернулась к Дарко Ковачичу и положила ладонь ему на плечо. – Я могу называть вас просто Дарко? – У Дарко Ковачича сильнее забилося сердце, и он загипнотизировано кивнул. – Прекрасно. Дарко, я должна вам признаться, я не случайно такая высокая. Вы удивлены? Не стоит. Я такой же жираф как и вы, у меня та-

кие же невидимые пятна по всему телу и такие же странные копыта, очень похожие на человеческие пальцы. И я знаю ещё кое-что. У нас чуть больше сердце, чем у людей, примерно на одну десятую долю, и мы можем есть всё то же самое, что и люди, но особенно любим листья.

– Я не понимаю.

– Вы абсолютно здоровы, мистер Ковачич. Таких как вы и я ещё много. Кто-то скрывает свою суть, кто-то даже не догадывается. Правительства стран не передают эту информацию огласке, они скрывают это, да и многое другое, чтобы избежать паники. На самом деле вокруг нас много видов разных животных, которые считают себя людьми. Оглянитесь в свободное время. Единое человечество – миф и эволюционный бред. Неужели вы думаете, что такое разнообразие индивидов могло произойти от обезьян? Вернее сказать, только от обезьян, хотя из года в год учёные всё больше уверяются, что обезьяны не участвовали в эволюции человека. Вот, возьмите. – Дарко принял тонкую бумажную папку. – Здесь несколько распечатанных научных статей из специализированных изданий, не доступных простым обывателям. Это не псевдонаука, а сокрытая от общества информация, все статьи за авторством известных учёных. Статей, к сожалению, не много, но это всё, что я смогла найти. Там и про жирафов, и вскользь упоминаются другие теории и факты. Прочтите, а потом порвите на мелкие клочки и выбросьте. Никто лишний не должен знать правду.

– Хорошо, доктор Долфин, – Дарко Ковачич ошарашенно кивнул, открыл папку и в неясном свете луны прочитал первый заголовок. – Это правда? Не может быть. Я верил. И не верил. Но что мне теперь делать, доктор Долфин?

– Вы здоровы, Дарко. – Лилиан по-матерински погладила Дарко Ковачича по голове и встала с кушетки. – Заканчивайте с этой лечебницей и продолжайте жить. Вы просто узнали правду и ваш не подготовленный разум не выдержал. Отнеситесь к времени, проведённому в этих стенах, как к отдыху, и ничего не бойтесь. Вы абсолютно здоровы.

– Спасибо.

– Не за что.

Лилиан вышла из палаты и вызвала такси в отель. Дарко до рассвета читал и перечитывал распечатанные на дешевом принтере журнальные публикации. Он снова и снова, про себя и вслух, повторял фамилии учёных, значащихся авторами и соавторами статей. О некоторых из них он точно слышал, и это были люди с именем, один даже нобелевский лауреат, хотя в большой части фамилий он не был уверен. С первыми лучами солнца Дарко порвал распечатки и папку на маленькие кусочки, хотел выкинуть в ведро, но засомневался и для надёжности всё съел. Желудок протестующее забурлил, но в остальном Дарко Ковачич почувствовал себя так хорошо, как никогда до этого.

* * *

Доктор Долфин зашла в выделенный ей кабинет. Узкий платяной шкаф для сменной одежды и широкий книжных шкаф, явно предназначенный для историй болезни, стояли пустыми. На простом письменном столе лежал ноутбук последней модели и простая белая кружка с изображённым на ней чёрным орлом Австрии. Лилиан села на единственный стул, в кабинете больше не было мебели, и отпила из кружки дешёвый растворимый кофе. Лилиан посмотрела на чёрную птицу, которая с детства казалась ей мерзкой, и сделала ещё один глоток такого же мерзкого чёрного кофе. Из-за недосыпания появилась болезненная реакция на свет и медленно зарождающаяся мигрень.

В дверь постучали и сразу вошли.

– Доброе утро, доктор Долфин. Директор просит вас к себе.

– Спасибо, доктор Кан, – вчера в поисках работающего принтера Лилиан оббежала всех врачей в здании и со всеми успела познакомиться. – У вас не найдётся сливок и таблетки какого-нибудь обезболивающего? Только на таких условиях я соглашусь, что утро доброе.

– Я посмотрю, что можно сделать, – доктор Кан дружелюбно улыбнулся. – Ну а вы пока сходите к директору, он ждать не любит. – С этими словами доктор Кан скрылся из кабинета.

Лилиан отставила кофе в сторону и поднялась на третий этаж к директору. Постучала в дверь, подождала, но никто

не крикнул «войдите». Она вспомнила поведение доктора Кана и вошла в кабинет. Как и в прошлый раз, внутри было темно, и горел лишь огонёк сигары. Подождав несколько секунд, пока глаза привыкнут, Лилиан подошла к стулу и присела.

– Вы напоминаете мне вампира, директор, – она решила сама начать разговор.

Темнота хрипло рассмеялась, и новое облако дыма поплыло в сторону женщины.

– А вы мне жирафа, доктор Долфин. Скажите, как вам это удалось?

– Что именно? – Лилиан фальшиво изобразила непонимание.

– Психическое состояние мистера Ковачича сегодня утром резко изменилось на нормальное. Почти абсолютно нормальное. Ещё день, возможно два, мы на всякий случай понаблюдаем его, а затем выпишем. Если, конечно, резкие изменения в лучшую сторону также быстро не обернутся в худшую.

– Не обернутся.

– Вы самоуверенны, доктор Долфин.

– Отнюдь. У меня за спиной несколько лет исследований и десятки пациентов, излечённым подобным методом, который подробно описан в книге.

Струя сигарного дыма взлетела вверх и растеклась по потолку, накрывая собой помещение.

– Возможно, – начал директор, – возможно, я ошибся, и ваш вклад в книгу доктора Ольконена был более значим, чем я предполагал. Но что насчёт мистера Ковачича? Это была инверсия? Что вы сделали, доктор Долфин?

– Я отказалась его лечить.

– Интересно. Так как же вы его вылечили?

– Я объяснила, что он абсолютно здоров и нормален. Дарко Ковачич воспринимал себя жирафом и мне нужно было доказать его правоту. В первую очередь мне помог мой рост. Я ещё увеличила его за счёт туфель на платформе и убедила пациента, что я тоже жираф. Духи, близость и ночь помогли мне сексуально накалить атмосферу и нейрохимически он просто обязан был мне поверить, рассчитывая на больше. В процессе полового влечения мужчины не контролируют свой разум. Кроме того, я заранее подготовилась и изготовила несколько поддельных научных статей в простеньком графическом редакторе. Сложно было только найти работающий принтер. В результате, когда я ушла из палаты пациента, у мистера Ковачича были не только эмоциональные, но и логические подтверждения его правоты. Сейчас мистер Ковачич уже не просто уверен в своём психическом здоровье, в конце концов, все сумасшедшие считают себя здоровыми. Сейчас мистер Ковачич уверен, что он такой же, как все, а это гораздо значимее. Выписывайте пациента, он успешно социализируется, а потом и вообще забудет, что когда-то считал себя жирафом.

Лилиан единожды хлопнула в ладоши, завершая свой монолог. Огонь сигары прожигал темноту.

– Вы умны, но многословны, доктор Долфин, – укорил директор. – У меня есть для вас следующий пациент – Эрих Бэль.

– Что у него?

– Циркулярная депрессия. Для специалиста вашей классификации сушая ерунда.

– Нет.

– Простите?

– Мой брат. Есть какие-нибудь новости?

Сигара зашипела, и следующее облако дыма заполонило всю комнату.

– Я не могу позволить вам лечить его.

– Можете. – Лилиан прикусила губу. – Это в вашей власти.

– Я не хочу вас терять. Что вы будете делать, когда вылечите брата, доктор Долфин? Уедете обратно в Женеву?

– Я... я... – растерялась Лилиан. – Простите... я и не подумала.

– Не нужно думать, доктор Долфин. Нужно остаться и работать.

Вопреки словам директора, Лилиан погрузилась в раздумья. Она не планировала проводить в этом городе больше необходимого времени. В идеале план выглядел так: вылечить брата – вернуться в Женеву. Сразу. Как можно скорее. Но директор был прав. В провинциях, особенно в малень-

ких городках, остро стоит вопрос кадров. Ещё острее – отсутствие соответствующих специалистов.

– Если вы позволите мне немедленно заняться моим братом, – Лилиан осторожно подбирала слова. – Я обещаю, что проведу в вашей лечебнице два месяца. Не просто просижу, а буду лечить всех, кого вы захотите. – В конце она не удержалась от глупой шутки: – Хоть вас, директор.

– Этого мало, доктор Долфин.

– Три месяца.

– Осень – самое благодатное время для рецидивов и обострений.

– Хорошо! – закричала Лилиан. – Полгода!

– Год, – директор сохранял спокойствие и был неумолим. – Только при таком условии я согласен допустить вас к лечению мистера Долфина.

Лилиан прикусила губу. А затем ещё раз. И ещё. И почувствовала во рту солоноватый привкус крови.

– Ладно! – Лилиан сжала руки в кулаки, ногти впились в ладони, и продолжила спокойным голосом: – Я согласна на ваши условия, господин директор.

– Хорошо. Тогда вам будет интересно узнать, что вчера вечером мистер Долфин добровольно прибыл в нашу лечебницу. Он заполнил бумаги и по собственной воле лёг на лечение. Среди симптомов он указал депрессию, апатию, потерю памяти и паранойю. Мистер Долфин хорошо разбирается в симптоматике, что, учитывая его профессию, само со-

бой разумеющееся. Вы можете начинать его лечение. Мистер Долфин пребывает в девятой палате на первом этаже.

Лилиан потянулась встать, но директор, как и в первый раз, остановил её:

– Стойте! Сначала зайдите в свой кабинет. На столе вы найдёте простой обязывающий договор. Подпишите его,несите мне, и только тогда приступайте к лечению брата. Вам всё ясно, доктор Долфин?

– Да, директор, – Лилиан злилась, почти пребывала в ярости, но не могла не восхищаться этим старым лисом.

– Хорошо, идите. Из-за вас я не слышу птиц.

Лилиан ничего не поняла и вышла. Закрыв за собой дверь, она прошла по коридору к ближайшему окну. Из-за знойного засушливого лета почти все окна в здании были открыты нараспашку, но это мало помогало. С повышением температуры, ветер исчез. Лилиан выглянула из окна и прислушалась. Ничего. Никаких птиц. Может быть, шутка про лечение директора содержала в себе долю истины? Лилиан усмехнулась, представив, как лечила бы этого своего нового начальника, который вынудил её играть по своим правилам, и отправилась в свой кабинет, подписывать договор.

Интерлюдия 1 Адриан

В палате было мало места, и Адриан испытывал небольшой дискомфорт. В детстве ему приходилось то прятаться от отца в каких-нибудь шкафах или коробках, то наказанным стоять в углах или сидеть запертым в кладовке. С тех пор он терпеть не мог маленьких помещений. Он не испытывал в них страх, но мыслями снова и снова возвращался в детство. Это было похуже, чем есть сгнившее мясо. Ожидание так и не приходящей рвоты испытывало его на прочность. А он был прочным. Когда жизнь наносила ему удары, он вспоминал отца, и повторял вслед за ним «Я всё выдержу. Я сделан из дерева. С каждым днём я становлюсь сильнее и крепче».

В свою первую ночь в психиатрической лечебнице Адриан долго не мог уснуть, лежал на кушетке и слушал шёпоты за стенами. В полночь он встал и подошёл к открытому окну, высунулся в него на половину и посмотрел вдоль стен здания. Удивительное место. На первом этаже окна распахнуты настежь, словно психические и не думают убежать. Хотя зачем им это? Конечно, в разных лечебницах ситуация разная, но обычно число пациентов, добровольно лёгших на лечение, точно так как это сделал он сам, было либо весьма ощутимым, либо вовсе составляло большую часть.

Ну, предположим, на первом этаже находятся только ти-

хие пациенты и те, кто сами желают лечиться. Ну, может ещё парочку в вегетативном состоянии. Адриан извернулся и, запрокинув голову, посмотрел вверх. Не меньше половины всех окон в здании было открыто. Адриан удовлетворённо хмыкнул. Он мог сбежать из психиатрической лечебницы прямо сейчас, мог залезть к другим пациентам на первом этаже, или, при наличии необходимого оборудования, залезть на любой этаж. Он вернулся в свою палату, лёг на кушетку ногами к окну и посмотрел на небо. За ним следил безумный глаз луны.

Он проснулся утром, не заметив как прошла ночь и чувствуя лёгкую усталость в теле. Сначала Адриан испытал краткий приступ гнева. Он думал, что Лилиан придёт к нему рано утром, первым же делом, но что-то было не так.

Адриан отказался идти в общую столовую и ему принесли немного еды прямо в палату. Под пристальным взглядом медсестры он быстро перекусил, не ощутив никакого вкуса, и вернул ей поднос с посудой. Она не сказала ни слова, он тоже промолчал.

Когда медсестра вышла, Адриан несколько десятков раз отжался, прогоняя засевшую в мышцах ночь, и встал у окна. Солнце ещё было низко, значит, времени было не так много, как ему подумалось в начале. Просторный ухоженный двор психиатрической лечебницы казался вымершим. Здесь, среди травы и листов клёнов притаилась тишина. Здесь не пели и не летали птицы. Здесь не мелькали крылья бабочек.

А на ухоженном газоне не было ни одного цветка. Метров через двадцать-двадцать пять стояло большое кованое ограждение, отделяющее территорию города М от психиатрической лечебницы. И вот там, за оградой, ездили машины, и люди шли по своим делам, но ни один звук не достигал Адриана.

Глава 2 Копиист

* * *

Лириан остановилась у палаты номер девять, рывком открыла дверь и быстро зашла внутрь. У окна, спиной к Лириан, стоял и смотрел во двор её брат. Женщина молчала и ждала.

– В чём дело, сестрёнка? Не знаешь с чего начать разговор? – у Адриана был приятный располагающий голос.

– Ты изменился.

– Банальное начало, но сойдёт. – Адриан развернулся и расплылся в улыбке. – Рад тебя видеть, Лили. Сколько мы не виделись? Кажется, с тех самых пор, как ты уехала на учёбу в Вену. Получается, одиннадцать лет. Точно. В последний раз, когда мы виделись, тебе было восемнадцать, и ты только начала расцветать. И вот ты расцвела окончательно и превратилась в прекрасную женщину.

– Ты тоже, Адриан.

– Я тоже стал прекрасной женщиной? – Адриан рассмеялся. – Я понял, о чём ты. Скажи, зачем тебе такие высокие туфли?

– Мне нравится. С высоты двух метров всё становится яснее.

– Ааа, как волк в той сказке. Ну, понятно, понятно. Малютка Лили выросла, и у неё выросли зубки. Да, о такую кра-

соту порезаться можно. Я вижу кольцо у тебя на пальце. У тебя есть муж?

– Жених. Я давно ношу кольцо, чтобы избежать излишней... заинтересованности. Когда мужчины видят, что женщина замужем, им проще оставаться в рамках.

– Я в курсе, – улыбка Адриана сменилась и стала напоминать волчий оскал. – Это доктор Александр Ольконен, с которым ты якобы написала книгу. Хотя на самом деле вся книга твоя заслуга, а он просто дал тебе возможность за счёт своего высокого положения получить доступ к необходимым пациентам и данным.

– У тебя седина на висках, – неожиданно отметила Лилиан.

Адриан задумчиво взлохматил волосы и печально посмотрел на сестру:

– Время. Беспощадное время. Присаживайся, в ногах правды нет. Её вообще нет.

В центре комнаты стоял табурет, Адриан приглашающе махнул на него рукой, а сам сел на кушетку. Лилиан села на табурет, напротив брата. Между ними было не больше метра.

– Зачем всё это? – спросила Лилиан, ей не нравился начавшийся разговор. – Тебя волнует моя семья?

– Семья? – Адриан снова рассмеялся. – У тебя там, откуда ты приехала, ещё нет никакой семьи. Только любовник на четверть века тебя старше. Помолвка? Надеюсь, что будет

свадьба. – Адриан положил руку на грудь. – Искренне надеюсь. Пригласишь меня? Вряд ли. Но сейчас, сестрёнка, вся твоя семья здесь, в этом городе, а ты забыла про нас. Не звонишь, не пишешь.

– Этот разговор начинает меня напрягать.

Адриан театральным жестом провёл рукой по лицу и все его улыбки и ухмылки исчезли. Посерьезнев, он продолжил:

– Мне нужна помощь, Лилиан. Мне нужна помощь, доктор Долфин.

– Я попробую тебе помочь, но ничего не обещаю. Если у меня не будет получаться, тебе назначат другого врача. И ты пройдёшь лечение до конца. Только на таких условиях я займусь тобой. Это и без того многого мне стоило. Понятно?

Адриан кивнул.

– Много стоило? – спросил он, вопросительно подняв одну бровь. Лилиан снова отметила в его жестах и мимике актёрскую выучку. – Мне казалось, я дал понять главврачу, что ты единственная, кто может меня лечить. Странно, что у тебя возникли трудности. Ну да ладно. Я принимаю твои условия. Ещё что-нибудь?

– Этого достаточно. Рассказывай с самого начала. Что произошло?

– Ты знаешь, кем я работаю?

– Актёром? Помню, когда я уезжала в Вену на поступление, ты учился на третьем курсе экономического. Эмм, – Ли-

лиан развела руками. – Ты какой-нибудь бухгалтер? Экономист?

– Всё несколько сложнее. Я психотерапевт, занимаюсь оказанием психологической помощи.

– Я знаю, кто такой психотерапевт, – в голосе Лилиан против её воли появились нотки раздражения.

– Да... и я не очень верю в психиатрию. Все эти, – Адриан обвёл руками комнату. – Ограничения пространства, палаты, таблетки, и даже операции. Я уверен, что любому человеку можно помочь просто общаясь с ним.

– При анорексии абсолютизируется тормозная деятельность лобных долей, – возразила Лилиан. – При психохирургии скальпель через височную кость проникает в мозг, и лобные доли подрезаются примерно на пять сантиметров. Спустя небольшое время неприятие пищи исчезает, восстанавливается аппетит, вес пациента приходят в норму. Сейчас так не делают, но это всё равно эффективный метод, способный спасти жизнь пациента. Его пытаются заменить электродами.

– Просто психиатры не способны найти нужных слов.

– Зигмунд Фрейд говорил, что психоанализ противопоказан глупцам, нарциссам, извращенцам и психопатом. Он считал, что помочь можно только тем, кто сам стремится к лечению.

– Это были красивые слова для публики. Изучи пациентов дядюшки Фрейда, там есть случаи прямо противоречащие

этим словам.

Но Лилиан не собиралась сдаваться так просто, и привела ещё один довод:

– Тимоти Лири ещё в университете проводил исследование, при котором выяснил, что психотерапия в трети случаях помогает, в трети – нет, а ещё в трети – ухудшает состояние больного.

– Тимоти Лири – одиозная и спорная фигура. Он потом занимался исследованиями волшебных свойств ЛСД и многие результаты фальсифицировал. Мне кажется, его университетская работа показала, что только тридцать процентов психиатров чего-то стоит. Очень хороший показатель. Уверен, во всех других профессиях процент будет заметно ниже. Где-нибудь на уровне десяти.

Лилиан выдохнула, отсчитала три секунды – тысяча один, тысяча два, тысяча три – и снова вздохнула.

– Я ничего не понимаю, Адриан. Зачем тогда ты согласился на лечение, если не веришь в психиатрию?

– Я верю тебе. Верю, что ты поможешь мне во всём разобраться, а не будешь пичкать таблетками, резать и бить электричеством.

– Электросудорожная терапия тоже эффективна, – снова в голосе Лилиан засквозило раздражение. – Чёрт, Адриан! Рассказывай уже, в чём дело.

Адриан помассировал пальцами виски и признался:

– Моя пациентка умерла.

– Что? – растерялась Лилиан.

– Одна женщина проходила у меня курс. У неё была обсессия, навязчивое состояние, почти дистресс. Я пытался ей помочь, делал всё, что мог. У меня за спиной, сестрёнка, десятки благодарных пациентов. Я это умею, и ещё ни разу – слышишь? – ни разу я не ударил в грязь лицом. Всегда получалось помочь людям. Но с этой женщиной... что бы я ни говорил, я не мог найти путь к её сердцу. Слова отскакивали от неё, как от стенки. И ведь она не закрывалась. Каждый раз, приходя ко мне, она слушала и говорила сама. Диалог был налажен, но результата он не дал. Точнее дал – переломанное тело на асфальте.

– Мне жаль.

– Да, мне тоже, – Адриан горько усмехнулся. – И после этого случая проблемы начались уже у меня. Депрессия, суицидальные мысли, паранойя. Я перестал доверять людям. Порой боюсь, что продавец в магазине подкинет мне какую-нибудь вещь и обвинит в воровстве. И самое раздражающее – провалы в памяти. Я могу пойти на кухню, а очнуться на улице, в другом квартале, спустя полчаса. Или проснуться одетым и уставшим, словно всю ночь бегал марафон.

– Это серьёзные симптомы.

– Я знаю, сестрёнка. Я дошёл до точки. Уже не могу общаться с пациентами, растерял все мысли. Не знаю, что и кому говорить, не слышу, когда говорят мне. А ещё боюсь, что очередной клиент кинется на меня с ножом. Поводов на это,

конечно, нет, но я до чёртиков боюсь. Неделю назад сидел с пациентом и только спустя полчаса заметил, что мои ноги танцуют вверх и вниз, друг к другу и обратно, зубы стучат, а ногти на одной руке я уже обкусал до мяса. – Адриан издал короткий смешок. – Хорошо, что пациент ничего не заметил, у него своих проблем хватает. После этого случая я прекратил практику и позвонил тебе. Или написал? Не помню.

– Ты написал мне электронное письмо, Адриан, а также позвонил одной моей подруге. Ума не приложу, откуда у тебя её номер? Подруга сказала, что ты хочешь, чтобы я тебя вылечила. Письмо же было более витиеватым.

– Всё так, сестрёнка, всё так. Ты сможешь мне помочь?

– Как я уже говорила, я попробую, – решимости в голосе Лилиан хватило бы на целую кафедру докторов и Адриан позволил себе немного расслабиться. – Я правильно поняла, что ты отказываешься от приёма любых лекарств?

– Абсолютно. Человеческий разум – тончайший механизм высочайшего качества. Не надо чинит его молотком.

– Это не разумно, Адриан. Соответствующие медикаменты могли бы заметно ускорить твоё выздоровление. Гарантирую, что подберу самые щадящие препараты.

– Нет.

– Ты всё также не выносим, как в детстве, когда мы дрались. – Лилиан прикусила губу и, кое-что прикинув, потянулась снять золотую цепочку с шеи. Адриан с любопытством следил за её движениями. Через секунду Лилиан вытянула

к брату руку с цепочкой, на которой из стороны в сторону болтался золотой дельфинчик. – Я хочу знать, что происходит в моменты твоего беспамятства. Следи за дельфином и слушай мой голос.

– Бесполезно, – Адриан отмахнулся от сестры как от назойливой мухи, его губы перекошились в высокомерной кривоватой ухмылочке. – Гипноз действует на подверженных ему людей, то есть на дураков, алкоголиков, наркоманов, и почти на всех пациентов психиатрических клиник, поскольку их разум уязвим и ослаблен. В царскую Россию в девятнадцатом веке из Европы приезжали гипнотизёры и выступали перед благородной публикой. А там каждый был с высшим образованием, так что эти артисты нетрадиционного жанра возвращались обратно, ничего не добившись.

– При чём тут Россия?

Адриан пожал плечами. Лилиан раздражённо откинула волосы за спину и подняла руку с импровизированным маятником.

– Следи за дельфином. Слушай мой голос. Раз, два, три. Твоё дыхание выравнивается, сердцебиение успокаивается. Ты тоже спокоен. Раз, два, три. Тебя клонит в сон, твои веки тяжелеют. Раз, два, три. Твои глаза закрываются, ты засыпаешь.

Адриан только пожал плечами:

– Прости, сестрёнка. Я слишком много читаю, возможно, дело в этом. Отец был чудовищем, но многому меня научил.

Ты так и не освоила скорочтение?

– Нет, – Лилиан обратно застегнула цепочку.

– Зря. Я читаю до тысячи книг в год. Университет закончил экстерном. Несколько языков выучил.

– С языками у меня всё тоже нормально, – в который раз в разговоре с братом Лилиан не смогла сдержать раздражение и уже начинала внутренне корить себя за это. – Я сегодня не выспалась. Пойду, отдохну и продумаю план лечения.

– Хорошо, я всё понимаю.

Лилиан встала, подошла к двери, и только коснулась ручки...

* * *

– И куда это ты собралась, милочка? – голос брата переменялся, стал более высоким и чересчур манерным.

Лилиан обернулась. И сидел теперь Адриан по-другому – нога на ногу, и смотрел тоже иначе. По телу Лилиан забегали противные мурашки, но она преодолела оцепенение, развернулась и вернулась на табурет. Некоторое время она просто разглядывала переменившегося Адриана, а он изящно, женственно, выгнул спину, вытянул руку и разглядывал ногти.

– Что за актёрские уловки, Адриан.

Адриан перевёл на неё взгляд, захлопал ресницами и неестественно высоко рассмеялся, прикрывая рот рукой.

– Прости, красотка, мальчика нет на месте.

– А кто есть?

– Я, – Адриан снова захлопал ресницами. – Разве не понятно? – Теперь он ещё жеманно надул губы.

– Кажется, я начинаю понимать, – подыграла Лилиан. – Как тебя зовут?

– Ивон Вайс. И да, я действительно была блондинкой. Так что с фамилией мне повезло. Правда эта была фамилия моего мужа, но я оставила её после развода. А до свадьбы я была, страшно признаться, Пихлер. Нет, ты представляешь, милочка? Меня с детства мальчишки дразнили пьяницей. Но отцу наша фамилия нравилась, да и выпить он был горазд, мама никак не могла его образумить. Правда он обладал сверхъестественной способностью – сколько не выпьет, а всегда садился за руль и ехал так, словно ни в одном глазу. Представляешь, милочка? Умер, правда, за рулём. Но трезвым! В него въехал какой-то пьяница, и его машина перевернулась. А папа водил кабриолет и никогда не пристёгивался, слишком крут был для этого. Так вот, машина перевернулась, папа выпал, а следом машина этого алкаша. И папина голова всмятку. – Адриан со всей силы хлопнул в ладоши. – Вот так, как помидор, брошенный в стену. Зрелище было – жуть. И ведь трезвый был в тот день. Ирония судьбы, не иначе. Нет, милочка, ну ты представляешь? Чего молчишь?

Лилиан представила мужскую голову с залысиной и усами, раздавленную как помидор, и её затошнило с такой силой, что она даже немного согнулась. Табурет слегка наклонился и скрипнул, большая часть мебели в лечебнице была

старой.

– Очень, – выговорила Лилиан, почти не разжимая губ.

– Что очень, милочка? Не понимаю тебя.

– Очень представляю.

– А моя мама была большой дородной женщиной, не такой красотулей как я. Она до сих пор мне завидует. А я завидую ей. Всё-таки шесть детей родила и вырастила. Я даже приблизиться к такой цифре не смогла. Понимаешь меня, милочка? Вижу, что понимаешь, ты тоже красотка. Наверняка вообще ещё не рожала. Я права? Даже не знаю, как тебе сказать, может и не так здорово рожать. И я не про беременность, роды, и всё что после. Нет, я про детишек. Ведь дети, это такие хрупкие создания, как фигурки из фарфора. У мамы в детстве была целая коллекция фарфоровых ангелков. Мой маленький Филипп, мой ангелок, боже... – Адриан всхлипнул, по его щекам покатались слёзы. Аккуратно указательными пальцами он надавил на внутренние уголки глаз. Лилиан не сразу поняла этот странный жест, но секундой позже у неё сработало интуитивное узнавание – Адриан пытался не размазать несуществующую тушь. – Мой малыш заболел, и я ничего не могла сделать. Никто ничего не мог сделать. У моего Филиппа обнаружилась опухоль мозга. – Адриан спрятал лицо в руках и сложился в безудержном рыдании.

Лилиан терпеливо ждала. Время шло, а рыдания всё не смолкали. Лилиан перевела взгляд на окно и пыталась аб-

страгироваться. «Представь, что это не твой брат. Это больше не сильный уверенный в себе мужчина. Это слабая сломленная женщина, раздавленная трагедией, произошедшей с её ребёнком. Чтобы ты делала в этой ситуации, Лили?»»

Лилиан пересела к Адриану, обняла его и успокаивающе погладила по голове. Всхлипы стали затихать. Адриан разогнулся и обнял сестру, но голос его по-прежнему был противно-высоким:

– У Филиппа была опухоль мозга. Господи, за что? В три года. Мой бедный малыш, мой прекрасный малыш. Представляешь?

– Нет, – честно ответила Лилиан.

– Прости. – Адриан отодвинулся, вытирая слёзы тыльной стороной ладоней, попутно всхлипывая и нервно глотая воздух. – Я понимаю, милочка, это не твоё дело. Я всё понимаю и всё знаю. Ты здесь только ради брата. Адриан Долфин. Он красавчик и хороший специалист, но даже он не смог мне помочь.

– Кто ты?

– Я же говорила, Я – Ивон Вайс. Мистер Долфин проводил со мной сеансы психологической помощи. Но всё было бесполезно. Мой малыш каждую ночь приходил ко мне во снах и звал к себе. Муж бросил меня ещё до родов, отец умер несколько лет назад, а мать сидит в доме престарелых. Её квартира давно разделена между моими братьями и сёстрами, которым нет до меня никакого дела. У каждого своя

семья, свои дети. Только у меня никого нет. Только мой ребёнок. Филипп каждую ночь приходил ко мне, и я не могла игнорировать моего фарфорового ангелочка. Спустя месяц я сдалась и прыгнула в окно, прямо в объятия Филиппа.

– Ты та женщина, после самоубийства которой у Адриана начались проблемы с самочувствием и памятью.

– Именно, милочка.

– Но... – Лилиан подумала, какое из несколько возможных возражений озвучить, и выбрала самое бредовое, – ты жива?

Адриан задумчиво прошёлся языком по верхней губе.

– Я... да, действительно. Я раньше и не думала об этом, милочка. Возможно, я попала сюда после смерти. Здесь есть и другие, знаешь ли. Как думаешь, это может быть жизнью после смерти? Может здесь есть и мой Филипп. О Господи, я даже не думала об этом! Прости, мне нужно уйти. Срочно! Мой мальчик, мой фарфоровый ангелок...

Взор Адриана потух. Лилиан хотела вскочить и выбежать из палаты, но силой воли удержала себя на месте. «Не так уж сложно ничего не делать, Лили. Так сиди и жди». Но ничего не происходило. Адриан сидел на месте и не шевелился, как брошенная ребёнком кукла.

– Адриан, ты слышишь меня? – не выдержала Лилиан.

– Братика нет рядом, – двигались только губы Адриана, а голос напоминал детский.

– А где он?

– Я спрятала Адри в шкафу, он боится, что папа найдёт его и изобьёт. Папа снова пришёл домой пьяным. Но Адри зря боится. Я слышу, как кричит Дори.

– Кто ты? – от жуткой волны страха из глаз Лилиан посыпались неконтролируемые слёзы, и она сорвалась на крик: – Как тебя зовут?!

– Я Лили. Адри называет меня малышкой Лили, а Дори – мамой Лили. Но мама называет меня только Лилиан, а вот папа любит меня больше всех, он никогда меня не бьёт, даже если очень много выпьет, и всегда называет своей...

– ... звёздочкой, – закончила Лилиан за братом. Или за самой собой в голове брата?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Мне рассказывал Адриан. Мы знакомы.

– А как вас зовут?

– Ли... Лидия. Зови меня тётей Лидией. Скажи, звёздочка, а кто ещё там есть, рядом с тобой?

– Много кто, – ответил Адриан после небольшой паузы. – Есть Мастер, он главный, вроде папы. Тётя Ивон убежала. Есть дядя Элиас, он очень умный, почти как Адриан. Есть трусоватый и смешной дядя Макс. Ещё святая Магдалена и Софи. Подлый Нико. Несколько людей я не знаю. Есть мама, её зовут Марта, но она не шевелится.

– Ступорозное состояние, каталепсия, – прошептала Лилиан и спросила громче: – А почему ты не шевелишься?

Адриан рассмеялся неестественным пугающим смехом

маленькой девочки, но взгляд его до сих пор был приклеен к одной точке и тело не двигалось.

– Что смешного? – не поняла Лилиан.

– Ничего, – Адриан высунул язык изо рта и вернул обратно. – Я шевелюсь, видите, показала вам язык. А так я просто маленькая. Я сейчас машу руками, прыгаю и кривляюсь, но только сама. А сил двигать телом мне пока не хватает.

– Спасибо за объяснения, звёздочка, позови главного.

– Хорошо, тётя Лидия.

* * *

Адриан отмер, руки сложились на груди, а глаза уставились на Лилиан. Это был тяжёлый леденящий душу, но не враждебный взгляд.

– Вы звали, и я пришёл, доктор Долфин. Что дальше?

– Как вас зовут? – спросила Лилиан и вдруг поняла, что выглядит непросительно слабой. Она отёрла с щёк влагу и отзеркалила позу Адриана, тоже сложив руки на груди.

– Мастер.

– Кто вы?

– Своего рода конструктор. Креатура Адриана. Я – мастер, копиист.

– Что вы имеете в виду? – спросила Лилиан и отвернулась, не выдержав игры в переглядки с этой твёрдой как камень личностью.

– Все личности внутри сознания Адриана – это копии

реально существующих или существовавших людей, – брат поднял правую руку на уровень лица и стал перебирать пальцами воздух, словно перебирал струны невидимой гитары. Также он немного наклонил голову, словно прислушивался к музыке, продолжая при этом вести осмысленный диалог с Лилиан. – Копии, созданные мной. И лишь я один был со-творён непосредственно Адрианом.

– Почему вы копируете? Почему субличности вторичны?

– Проклятие рода Долфинов, возможно. Каждый из детей что-то копирует. Вы, доктор, к примеру, копируете методики лечения. Ведь ничего нового ни вы, ни ваша книга, предложить не можете. Своему фантастическому прогрессу в области психиатрии вы обязаны уже забытому доктору Джеймсу Роджерсу, который полвека назад взошёл на электрический стул. Но история помнит не проигравших, а победителей. Так как, доктор Долфин? Положа руку на сердце, признайтесь, я прав?

– Вы правы, – Лилиан прикусила губу. – Но мы с доктором Ольконеном всё же довели этот метод до ума, исследовали его возможности и разработали варианты для лечения всего спектра психологических заболеваний.

– Это фантазии. Ряд ваших пациентов, не важно, рано или поздно, но всё равно ждёт рецидив. Не бывает совершенного метода, как и совершенных лекарств. Есть более надёжный способ. С любыми заболеваниями мозга мы можем справиться кромсая этот самый мозг, удаляя больные и здо-

ровые части.

– Вы не похожи на Адриана.

– Я не он.

– Я уже поняла. Вы знаете, зачем Адриан меня позвал?

– Конечно, – Адриан прекратил игру на воображаемой гитаре и изобразил зевок. – Он хочет избавиться от нас.

– Это возможно?

– Всё возможно, доктор Долфин.

– Я хочу снова поговорить со своим братом. Позовите его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.